
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ ТЮРКИЗМОВ В РУССКОМ ОБЫДЕННОМ СОЗНАНИИ

В.П. Синячкин

Кафедра русского языка и межкультурной коммуникации
Факультет гуманитарных и социальных наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Москва, Россия, 117198

В статье рассматриваются заимствования из тюркских языков, которые стали концептуально значимыми и концептообразующими для русского языкового сознания.

Ключевые слова: заимствованная лексика, тюркизмы, этнос, субэтнос, диалог культур, семиозис, семиосфера, семиотические культуры, конвергенция, интериоризация.

Заимствованная лексика в любом языке является наиболее красноречивым свидетелем исторического диалога культур народов. Пути и характер проникновения иноязычного слова в другой язык так же различны и многообразны, как и формы соприкосновения и сосуществования этносов. Разнообразны и проявления в языках жизни заимствований. Одним из них суждено сохранить печать *чуждости* на протяжении исторически длительного времени, таким, например, как *фрак*, упомянутый в романе «Евгений Онегин». Другие же с момента появления становятся родными, такими, для примера, как *гармонь*.

Распознавание последних заимствований бывает лишь под силу экспертам-лингвистам, поэтому для нас, русистов, тем более будет чрезвычайно полезным познакомиться с классификацией заимствований, предложенной широко известным в России поэтом Олжасом Сулейменовым:

«Класс слов, относимых к разряду заимствованных, привычно делю на три категории: 1) **явные заимствования**, 2) **узнаваемые**, 3) **невидимые**. К первым отношу термины, не утратившие откровенно иноязычной формы... Под **узнаваемыми** следует понимать заимствования, успевшие обкататься в потоке живой славянской речи, но их генезис нетрудно восстановить средствами действующего этимологического метода. И, наконец, к самым древним заимствованиям отношу невидимые, которые настолько освоены за тысячелетия активного использования, что от их первичной формы уцелели порой лишь остатки основ, скрытые многослойной корой славянских приставок, суффиксов, окончаний» [8. С. 8].

«...Языки многих евразийских этносов, с которыми тесно общались древние тюрки, являются идеальными хранилищами слов тюркского образования, вышедших из употребления в самих тюркских языках. Большинство **явных** и **узнаваемых** тюркизмов, не говоря уже о **невидимых**, можно смело отнести к такой категории устарелых слов. Отмерших в тюркских, но живущих в других. И русский словарь — вместилище подобных реликтов. Например, *кошма* — явно тюркское образование: *кош* — “соединяй, спутывай”, *кошма* — “соединение, спутанность”. Но как термин — “войлочный ковер”, “войлок” — уже не употребляется ни в одном из тюркских языков. Его давно вытеснили другие названия» [8. С. 21].

Столь обширное цитирование поэта объясняется тем, что эти слова мы можем использовать в качестве ключевой основы наших дальнейших изысканий.

В исследовательской литературе, посвященной изучению тюркизмов в разных аспектах, мало говорится о тесных связях славян и тюрков. Оговорюсь, я — не тюрколог, тем не менее, из встретившейся мне литературы по тюркизмам в русском языке, пожалуй, самыми знаменательными лингвистическими работами в акцентировании *мирного* сосуществования славян и тюрков являются уже цитируемые нами работы О. Сулейменова: «Аз и Я», «Язык письма», «Тюрки в доистории». Именно ему принадлежат мысли о том, что история войн гораздо больше запечатлена учеными, нежели периоды мира и добрососедских связей между этими двумя большими языковыми семьями.

Нельзя не привести для большей аргументации мнение и выводы тонкого стилиста, русскоязычного писателя, ученого-китаевода, посла, общественного деятеля Мухтара Ауэзова, высказанные им в статье «Осененный выдохом вечности — словом», посвященной книге О. Сулейменова «Аз и Я». В данной работе, являющейся библиографической редкостью, М. Ауэзов пишет: «Проницательно, с большой любовью к великому “Слову о полку Игореве” прочитаны в книге “темные” места гениальной поэмы. Меня, как казаха, согревает обнаруженная и обоснованная О. Сулейменовым причастность тюркского языка XII века к созданию шедевра русской литературы, неоспоримо подтверждающая его подлинную древность» [1. С. 159—166].

В этой книге О. Сулейменов аргументированно пишет о том, что неправильная разбивка (членение строк) приводила к рождению ложной метафоры: «Литературное бесчувствие ученых читателей порождает порой в “Слове...” чудовищные в своей искусственности образы, не свойственные и “Слову...”, и литературе в целом» [6. С. 32]. Приведем разбивку «Слова...» (членение строк), проведенную О. Сулейменовым. Отрывок текста-оригинала: *«Единъ же Изяславъ сынъ Васильковъ позвони своими острыма мечи о шеломы Литовскія; притрепа славу деду своему Всеславу, а самъ подъ чрълеными щиты на кроваве траве притрепанъ Литовскыи мечи. И схотию на кровать и рекъ: «Дружину твою, Княже, птицъ крылы приоде, а звери кровь полизаша».*

О. Сулейменов пишет, что выделенные строки Александр Иванович Мусин-Пушкин перевел следующим образом: «На семь то одре лежа произнесъ онъ». Другие поправки (их было множество) близки по аналогии варианту В.И. Стеллецкого, предложившего перевести «и с милою на кровать»... [6. С. 33]. О. Сулейменов предлагает свой вариант: «**исхоти юна кров**» («исходил юной кровью»), который, по его мнению, точнее и грамматически, и литературно. Сулейменов считает, что «исходить кровью» — устойчивое сочетание во многих славянских языках. Значение его, по В.И. Далю, «умирать от потери крови» [6. С. 34] (1).

Нам представляется, что О. Сулейменов более близок к истине. Ведь в действительности нелепо представить себе следующую картину: лежащий на кровати после сражения Изяслав рядом с убитыми воинами. В этом смысле мы на стороне исследователя О. Сулейменова, который издевательски комментирует переводы и поправки этой строки: «Если бы мне пришлось иллюстрировать “Слово...”, я во-

плотил бы в красках все сочиненные толкователями образы. И этот эпизод просится под кисть.

Степь, политая кровью трава; разбросаны тела литовцев с помятыми шлемами. Среди поля широкого стоит деревянная кровать с никелированными шишечками, на ней лежит возбужденный Изяслав с любимым человеком (признаки пола коего прикрыты фиговым щитом). А вокруг кровати — трупы, а на них вороны...» [6. С. 33].

Сам автор в предисловии к «Аз и Я» пишет: «"Слово..." — своеобразный тест, проверяющий знания, мировоззрение и творческие способности читателя, его психологическую подготовленность к встрече с историей... "Слово..." формировало мое миропонимание. "Слово..." ввело в историю и позволило увидеть другими глазами многие стороны современности. Я понял, что историческая ложь может оскорблять вещь так же, как историческая правда — невежду. [...] **Читать "Слово..." мне помогало природное двуязычие, знание культурных взаимоотношений Руси и Поля, увлечение этимологией и, может быть, чувство слова и образа...**» (выделено нами. — В.С.) [6. С. 8].

О. Сулейменов говорит о том, что «...язык — необычайно консервативная система. В зрелом возрасте ему требуется значительно более длительные эпохи взаимодействия с другими, чтобы навсегда воспринять что-то "новенькое со стороны"». На самых ранних этапах развития тот же инстинкт самосохранения делал языки более взаимозависимыми. Славянские и тюркские языки встречались и в младенчестве своем, и в молодости. О чем свидетельствует характер заимствований лексических и грамматических материалов. При этом тюркские и славянские наречия были временами чуть постарше и поопытнее друг друга. И щедро обменивались своими наработками» [8. С. 258], фактически был убежден в том, что *процветающая культура — это продукт непрерывного, многотысячелетнего контакта с другими* [7. С. 91—93].

М. Ауэзов справедливо полагает, что будущие исследователи и толкователи «Слова о полку Игореве» не смогут не считаться с коррективами Сулейменова: «Еще остаются борющиеся за свое утверждение национальные культуры, и остается проблема восстановления подлинного родства народов мира в масштабах единой истории человечества. До тех пор, пока будут давать о себе знать рецидивы спекулятивной исторической "науки", превращающей обзор пройденного народами пути в источник шовинизма и национализма, книга "Аз и Я", в самом названии которой заложено представление о единстве мировой культуры, будет служить чистым, как сигнал боевой трубы, призывом к борьбе с лжепатриотизмом и лженаукой» [1. С. 159—166].

В «Аз и Я» О. Сулейменов отмечает, что именно история XII в. наиболее насыщена сведениями о династийных браках. «Без преувеличения можно сказать, что почти все влиятельные княжеские рода в Киевской Руси состояли в кровном родстве со Степью» [6. С. 143—144]. Указывая на родословную линию Ольговичей, героев «Слова о Полку Игореве», О. Сулейменов пишет: «Олег, благодаря женинству на дочери Тугра-хана, стал князем черниговским. Сын от этого брака, Святослав, продолжает политику отца и, женившись на дочери Аепы, добывается ти-

тула «великий князь киевский»). В жилах сыновей его «Игоря и Всеволода течет добрая струя кипчакской крови. На ком они женаты, летописи не сообщают, но сын Игоря, Владимир, в плену справляет свадьбу с дочерью Кончака». И даже прославленный добрый страдалец за русскую землю Владимир Мономах женил двоих своих сыновей — Юрия в 1107 г. и Андрея в 1117 г. — на половчанках. Тут уж не приходится говорить о каком-то расовом или культурном антагонизме. Очевидно, высшие общественные классы и Руси, и половцев имели кое-что общее, какими-то общими интересами друг к другу притягивались.

По мнению О. Сулейменова, династийные браки означали мир и поддержку для обеих сторон. В летописи 1107 г.: «Иде Владимир и Давыд и Олег к Аепе и ко другому Аепе и сотвориши мир; и поя Владимир за Юргя Аепину дщерь, Осеневу внуку, а Олег поя за сына Аепину дщерь, Гиргеневу внуку, месяца генваря 12 день».

В XI—XII вв. половцы воюют против отдельных княжеств, входивших в систему Киевской Руси, в качестве союзников, заступаясь за своих «сватов» [6. С. 144]. Это достаточно убедительно доказывается и в книге Сергея Баймухаметова «Русская эпоха». Автор считает, что длительные союзы с восточным соседом нужны были русским для борьбы против общего врага. Вероятно, замалчивание культурных связей связано и с тем моментом, который немаловажен: признать длительный союз с варварами мешало не столько «арийское высокомерие», сколько «комплекс неполноценности» перед развитым Западом. Такого рода точки зрения принято воспринимать в науке с некоторой долей скепсиса. Однако публикации в этой области свидетельствуют о том, что сами ученые выдвигают аналогичные точки зрения, что доказывает правильность полученных выводов.

Последние работы исследователей из государств СНГ, публикуемые в прессе, привлекают внимание читателей и вызывают дискуссии среди ученых. Наибольший интерес вызвала полемическая работа Сергея Баймухаметова «Княжеский крест», посвященная истории взаимоотношений земледельцев и кочевников в средние века: «Так называемого татаро-монгольского ига не было. Это идеологический миф, придуманный позднейшими историками. А был союз Руси и Орды, заложенный ханом Батыем и его приемным сыном Александром Невским. Союз, который объединенными усилиями противостоял многовековому натиску Запада и католической церкви».

Статья вызвала оживленное обсуждение и читательские отклики. Ч. Айтматов в Литературной газете (№ 23, 2003) отмечал, что в ней соединились «поразительная смелость мысли с деликатностью и точностью слова».

Особенно яркими этапами взаимодействия двух культур, в частности языковых, являются IX—XII вв. Древней Руси и Степи, а далее полуфеодальной Российской империи. Мы стали свидетелями взаимодействия культур в период советской эпохи XX в.

По мнению Л.Н. Гумилева, на Руси, наряду с разделением славянской целостности, происходило сближение новых славянских субэтносов с инородцами. Когда они не сливались, то дружили, а это иногда бывало даже выгоднее [3. С. 371].

«Русская литература с ее истоками, начинающимися с зарождения Киевской Руси, складывалась в тяжелой борьбе с завоевательными планами Запада и рим-

ской церкви, нескольких объявленных крестовых походов против славянства и православия. "Русские — враги католической церкви", — писал Папа Римский в 1351 г. Поэтому более терпимое отношение было к восточным соседям. В русской культуре отразилась интенсивная динамика непосредственного культурного взаимодействия не только с европейскими культурами, но и с восточными, в частности с центральноазиатской — казахской. Одновременно с этим происходило политическое, экономическое взаимодействие, что отразилось и на сравнительно быстром развитии младописьменных литератур Центральной Азии. Шло осознание своей специфики, акцентирование черт культурной самобытности каждой из культур при активной позиции русской культуры» [2. С. 49].

Незадолго до своей кончины, будучи тяжело больным, осенью 1999 г., очевидно понимая важность и актуальность проблем, связанных с идеями евразийства, профессор РУДН Г.П. Мельников сам принес в редакцию журнала «Дельфис» статью «Где центр глубинной евразийской культуры? (Идеи евразийства в свете достижений системной типологии языков)».

В статье ученый пишет о том, что работы по современной системной типологии языков показывают различия «общего мировоззрения землепашца и кочевника, к разной восприимчивости тех или иных религиозных представлений, к противоположности предпочтений в области музыкального и изобразительного искусства и т.д. Следовательно, в ареале контактов "всадников" с "пахарями" Восточной Европы складываются **особые условия, благоприятные не для слияния, а именно для независимого существования и развития духовной культуры тюрков и славян**, несмотря на их тесные материально-хозяйственные и административные взаимодействия, что, в частности... **проявилось и в характеристике лексики, заимствованной славянами из тюркских языков**. Мудрый политик, Александр Невский предпочел терпеть материальную зависимость Северной Руси от ордынских ханов, лишь бы уберечь ее от духовной экспансии со стороны католической Европы...» (выделено нами. — В.С.) [5. С. 76—81].

По Ю.М. Лотману, **пограничье, являясь зоной языкового и культурного билингвизма, обеспечивает семиотические контакты между двумя мирами, является зоной «креолизированных» семиотических культур**, т.к. типичным механизмом границы является ситуация «пограничного романа». Это значит, что «если с точки зрения своего имманентного механизма граница соединяет две сферы семиозиса, то с позиции семиотического сознания данной семиосферы она их разделяет. Здесь идет осознание своей специфики, акцентирование абсолютности тех черт, которыми данная сфера очерчена» [4. Т. 1. С. 14—16, 20].

Таким образом, мнения, позиции и выводы ученых сходятся в одном: **язык** — главный источник исторических сведений о взаимодействиях Руси и Степи, наиболее объективный, беспристрастный документ прошедших эпох: **«Он лишен предвзятости летописцев. Он вне временных предрассудков; не подвластен идеологическим колебаниям. Самый точный источник»** (выделено нами. — В.С.) [8. С. 145—146]. Все это свидетельствует о том, что в истории развития культуры складывались особые условия, когда два географически близких этноса имели тесные контакты, непосредственно отражавшиеся в языках.

Ю.М. Лотман рассмотрел несколько возможных вариантов взаимодействия культур, характерных и для культурного пограничья — от взаимного ознакомления и включения в общий культурный мир до разных уровней диалога и даже его отсутствия: «Было бы заманчиво описать различные семиотические системы с точки зрения их предрасположенности—нерасположенности к взаимным конвергенциям».

Ставя подобную задачу, Ю.М. Лотман не рассматривает процесс интериоризации применительно к русско-центральноазиатскому региону и, в целом, к восточному региону.

Принципиальное значение интериоризация получила, по нашему мнению, в культурно-исторической теории Л.С. Выготского при следующем исходном ее понимании: *интериоризация есть не простой переход к действию, а формирование внутреннего плана сознания.*

На этом хотелось бы остановиться особо, поскольку из известных нам работ, посвященных тюркским заимствованиям в русском языке, мы не встретили тех, в которых подвергся бы осмыслению и описанию такой архиважный аспект, как влияние тюркизмов на формирование языкового сознания носителей русского языка. Но из русской языковой культуры, как бы ни хотелось некоторым блюстителям чистоты той или иной языковой культуры, ни изъять, «ни выкорчевать» «родимых пятен», свидетельствующих о периодах мира и добрососедства между славянами и тюрками. Более того, не только практика, но и сознание и, если хотите, душа моя воспринимает тюркизмы концептуально иначе, чем заимствования из европейских языков. Очевидно, это связано с исторической памятью: нашествие на Русь крестоносцев и еще не оформившиеся в историческую правду отношения с тюркскими племенами также воспринимаются мною по-разному. Накопленная, саккумулированная, кумулятивная языковая память и внутреннее сознание русского человека не оставляют места тюркским словам как словам-«варваризмам».

Как человек, постоянно проверяющий свои теоретические умозаключения непосредственно в студенческой аудитории, я предпочел сконструировать своего рода урок русского языка, который могли бы использовать русисты в педагогической практике.

Представим себе носителей тюркских языков, выехавших в Россию для знакомства с русской культурой. Едва ли они заметят родные отблески тюркизмов в русском языке, тем более — в разговорной, устной речи, хотя О.О. Сулейменов в книге «Тюрки в доистории» приводит более двух сотен тюркизмов и добавляет к ним *курган с ватагой*, воздерживаясь от *кумыса*, не вошедшего в общенациональный русский язык. Мы бы существенно расширили этот список, включив в него *сарафан, тюрбан, тьму, казан, аул.*

Итак, в дорогу!

Путь гостей будет проложен через *степь*, которая для носителя русского языка ассоциируется не с понятием ‘поле битвы’, а с такими основополагающими концептами, как ‘природа, кормилица, жизнь, дорога, последний путь’, в свою очередь тесно связанными с уже освоенными русскими тюркизмами *буран, пурга, ураган, ямицик, кибитка, сено, солома* и, наконец, *пшеница.*

Проехав по степи тысячи километров *дороги*, они еще раз убедятся, как *ярко* и *жарко* в степи. *Курганов* немало увидят. В *барханах* и *буераках*, *оврагах* и *ярах*, то тут, то там возникнут перед их глазами *кабарга* и *архар*, *джейран* и *кабан*, *барсук* и *корсак*, *шакал* и *тушкан*, *бурундук* и *суслик*, *сурок* и дикая *коза* и прочая божья *тварь*: *саранча*, *тараканы* и *пауки*. Вблизи селений увидят они мирно пасущиеся *косяки*, а то и *табуны* лошадей, на некоторых конях распознают отличительный знак — *тамга/тавро* — принадлежность тому или иному *хозяину*. Увидят *следы волка* и *барса*. В бездонном и бескрайнем степном небе, словно сопровождая их, будут лететь *орел* и *беркут*. Невысокого полета *галки* встречаются на всем пути. Из летающей вдоль бывшего Арала живности увидят гости *баклана* и *чайку*, тоскующих по исчезающему морю. Когда-то ловили аральские рыбаки в здешних водах *сазана*, *севрюгу*, *судака*, *сома*, *карася*, *чебака*, а айтматовский Едигей — и золотого *мекре* (не вошло в язык).

Затем, преодолев *таможню*, подъедут они к станции. По дороге, огибающей поля поспевающей *пшеницы*, встретятся со станичниками — настоящими *богатырями*, *сено* и *солому* на зиму заготавливающими. Вдоль дороги, ведущей к *куреню*, стройными рядами высятся, как бы сопровождая гостей, деревья: *осина* и *ясень*. За густо растущей *черемухой* виднеется курень, где уже ждут *хозяин с хозяйкой*. Хозяйка высокая и статная, с *карими* глазами, в алом *сарафане*, с длинной *косой*, уложенной вокруг головы, а на плечах — темно-вишневая *шаль*.

И хотя глава дома — *казак*, один прадед которого в царской армии *хорунжим* служил, а второй *есаулом*, никакой *толмач* тут не нужен: *кунаков* встречать *казаки* умеют! И старший сын у хозяев куреня — настоящий *джигит*, не зря *Ермаком* назван. *Толпа* народу уже собралась посмотреть на *кунаков*, прибывших издалека.

Хозяева приглашают гостей в *избу*. В сенях за дверями бережно развешана старая, но годящаяся в хозяйстве одежда: *бурка* и *жупан* (зипун), *тулуп* и *армяк* и другая *роба*. В русской избе, как правило, всегда имелся *сундук*. И в этой тоже стоит большой сундук, в котором, если открыть, можно найти всякого *товара*: красивые *сарафаны*, *шали* и *колпаки*, *кушаки* и *сюртуки*, *кафтаны* и *рубахи*, полотняные *штаны* и шелковые *шаровары*, разные *баишыки* и дорогую *каракулевую шубу* и даже истончившуюся от времени, но дорогую душе *хоругвь*. Другой отсек сундука отвели хозяева под обувь: *баишаки*, *чувяки*, *сапоги с каблуками*. Слева от *сундука* большая кровать с *тюфяками* из пуха, на стене висит домотканый *войлочный ковер*.

Отдельно, за печью, хозяйка хранит плотный кожаный *баул*. Там спрятано все для рукоделия и разные женские принадлежности: *бязь* и *парча*, *кисея* и мешочек с шелковыми *чулками*, *деньга* (*алтын* с *полтиной*) и старинный, расшитый золотыми нитками *кисет*, шкатулка с *серьгами* и *жемчугом*, перстни и кольца с *алмазом*, *яхонтом* и *яшмой*, разноцветная кайма, *тесьма* и *иглы*, *много бисера*.

На стене развешаны старинные *ружья* прадедов, а также *нагайка*, *сабля* из доброго *булата*, *кинжал*.

Хозяева приглашают за стол. Позвали близких соседей — украинцев из запорожских *казаков*. «*Хохол*», — так *хозяин* иногда в шутку называет его, а сосед хозяина — «*кацапом*». Не один пуд соли вместе съели соседи-*товарищи*.

Чем встретит хлебосольный русский человек дорогих гостей? Давно хлопочет у *очага* хозяйка. Конечно, уже возведенной в культ еды — *лапшой* и *пельменями*, *каймаком* и *балыком*, *пловом*, *мантами* и *шашлыком*, *брагой* и *чаем*, *орехами* и подсолнечной *халвой*, *арбузом* и *изюмом*. После обеда хозяин показывал все, что в курене имеется. Сначала повел их в еще прадедом выстроенный крепкий *амбар*, где в больших деревянных *кузовах* хранятся *горох*, *орехи*, *пшено* и *пшеница* и другие запасы. Там же можно найти *молот*, старые кастрюли из *латуни*, куски *жести*, *бурав* и *кирку*, старые *чугунные утюги* и *сковородки*. Не выкинул из амбара хозяин оставшиеся после предков старинные вещи и показал гостям *алебарду*, *палаши*, *колчан* и *набалдашники*.

Затем, в сопровождении рачительного хозяина-казака, гости отправились осматривать большой *сарай*. Возле сарая стояли *арба* и *телега*. В сарае хранились *узды*, *хомуты*, *аркан*, *капканы* и прочее. Какой же *казак* без коня! У него имелся косяк лошадей: *буланый*, *саврасый*, *чалый*, *бурый* и *каурый*. Среди коней был у хозяина и *аргамак* — скакун чистых кровей по кличке *Сарацин*.

Много *барыша* (*баши на баши*) казаку предлагали за коней цыгане, которые на днях откочевали из окрестностей станицы. Когда прикочевала эта *орда* сюда, *кутерьма* такая была в станице, прямо *облава* какая-то! *Балаган* устроили, хоть *Караул!* кричи. Сущие *басурмане*, почище *татар* будут! Наконец-то, дня два назад, весь *табор*, разобрав свои *шатры*, *шалашы-лачуги*, погрузив *торбы*, *тюки*, *вьюки* со всяким *товаром*, усевшись на свои *колымаги* и в *кибитки*, собрав всех своих *чумазых*, с нечесаными *космами* ребятишек, в *рубщице* и рваных *чёмотах*, и оставив после себя один *кавардак*, двинулся в *кочевье*.

После прогулки по куреню хозяйка позвала всех вечерять. Она уже *жарить-парить* закончила. Дети с радостью *шкварки* таскали. Усадив за стол, стала угощать гостей ухой из *севрюги* и *сома*, *жареным судаком*, *сазаном* и *карасем*. В *баклаге* и большей *чаши* старинной принесла брагу, разливала их по *чаркам*, наливала в *стаканы* и в *пиалы чай*.

Семья *товарищей* (*хохлы*) — люди музыкальные. Принесли из дому инструменты разные: *бандура*, *кобза*, *домра* и даже *барабан*. Хозяин куреня — *балалайку*. На концерт и пляски подтянулись и другие соседи. Напелись и наплясались на славу и *браги* напелись вдоволь. Целая *ватага* детей тоже при деле была: взяли *карандаши* и *бумагу*, пишут *буквы*, рисуют свои *каракули*, *книги* друг другу читают, сказки рассказывают про *избушку* на курьих ножках, *Кощея* бессмертного и *Карабаса-Барабаса* — злодея.

Все бы хорошо, но, как нередко бывает при гостях, найдется *болван* какой и *айда балаболить*. *Балбес!* Вот и в этой станице живет мужичок по имени *Борис*, предки его, видишь ли, из великого рода *барского*. Трезвый — *упырь*, *бирюк-бирюком!* А напьется, *башку* свою задерет — *храбрый!* А пьет-то как: *кадык* ходуном ходит. *Щеки* надует! До *бузы* охоч. *Рот* откроет... *Язык* — без костей! Накрутит свои *усы*, *темя* погладит и давай на гостей-кунаков: «Эй! Басурмане! *Кишка* тонка с *боярином* Борисом говорить... В *кандалы* всех закую!» И не оставишь его — с *кулаками* на всех бросается. А то еще мастер спяну *кукиши*

показывать. Прямо *уркаган* какой-то. Скрутили его станичники и отнесли домой. С утра извиняется. «Да ну тебя, Борька, *тюрьма* по тебе плачет», — отмахивается от него хозяйка.

Все приведенные в этом тексте тюркизмы я не могу отнести к «вражьи» словам, к которым я отношу такие, как *бомба, гауптвахта* и др. О миролюбивой лексике, свидетельствующей об отношениях добрососедства между двумя этносами, красноречиво говорят тюркизмы, которые уже давно не воспринимаются носителями русского языка как иноязычные.

Сами тюркоязычные народы некоторые тюркизмы давно уже не употребляют ни в письменной, ни в устной речи. В русском же языке эти тюркизмы сохранились, представляя, таким образом, русскую языковую культуру своего рода музеем тюркской культуры и отражая становление последней. Но что более важно, сформировавшиеся в основополагающие для русской культуры концепты и ставшие неотъемлемой составляющей русской культуры, **некоторые тюркизмы для других культур, да и для всего мира в целом, сочетаются со словом *русский*, служат особыми маркерами «русскости».** Сравните: *русский язык, русский сарафан, русская изба, русские пельмени...*

За период становления русской языковой культуры немало заимствований из тюркских языков сформировали особый внутренний план сознания носителя данной культуры, стали концептообразующими — концептуальными для русского сознания, что естественным образом не могло не отразиться **в созданных русским народом художественных образах.**

Ср.: *Степь* да степь кругом... *Степь* — это не только *дорога* и *вольница*, но и *воля* и *доля*, и *печаль* и *кручина*.

В словах *воля, вольница* для русского человека, пережившего крепостное право, заключен особый смысл мироощущения.

Ямщик (...в той степи глухой умирал *ямщик*; *Ямщик*, не гони лошадей; В долгих песнях *ямщика*: то раздолье удалое, то сердечная тоска...);

черемуха (Почему *черемуха*, почему бела...; Цветет *черемуха* к похолоданию, к ветрам неистовым. Цветет *черемуха*, цветет душистая...);

туман (Ой, *туманы* мои...; *затуманились* очи...; А я еду, а я еду за *туманом*, за *туманом* и за запахом *тайги*...);

курган (Спят *курганы* темные...; В том *кургане* похоронена война...);

изюм (заменявший мед и символизирующий Солнце — Царство Божие);

Алый, багряный (алый, багряный закат; цветочек **аленький**, губки **алые**, ленты **алые**; **багряные** листья рябины...).

Достаточно рельефно тюркизмы выражены и **в русской мифологии (былинах, сказках):**

Кощей (и царь *Кощей* над золотом чахнет, там русский дух, там Русью пахнет; и *Кощей Бессмертный*, и *Кощеюшка*);

богатырь (и былинный Илья Муромец, и сказочные тридцать три *богатыря*, и масса других *богатырей*);

бурый, каурый (Сивка-бурка, вещая *каурка* из сказки);

осина (**осиновый кол**);
избушка на курьих ножках;

и даже **сковорода** стала неотъемлемым элементом русского фольклора и народной педагогики. Поколения русского народа формировались на художественных образах этих сказочных персонажей.

Немало можно было бы привести **фразеологизмов**, имеющих в своем составе тюркизмы:

бисер (Не мечите **бисер** перед свиньями);

рубаха-парень;

сермяга (**сермяжная/сермяжья правда**);

деньга, алтын и полтина, казна, казначей;

хохол — шутивно-пренебрежительное прозвище украинцев, а теперь еще и хитрых людей (*Там, где хохол прошел, еврею делать нечего*);

кацап (пренебрежит. прозвище русского в речи украинск., польск., белорусск.);

басурман (пренебрежит. к тюркским народам).

Семантическая наполненность языковой картиной русской действительности каждого из этих слов не подвергается сомнению.

По О. Сулейменову, тюркизмами принято считать заимствования из тюркских языков, независимо от того, являлись ли в тюркских языках эти слова исконными. В разделе «Согдийская версия» книги О. Сулейменова «Тюрки в доистории» достаточно аргументированно, с нашей точки зрения, представлена версия культурного взаимодействия тюрков, персов и арабов. Это в полной мере относится к концепту языковой картины мира русских русскому **сарафану** (Не шей ты мне, матушка, красный **сарафан**...) и др.

Мысль Альфреда Шнитке о том, что чем больше культур отражается в художественном произведении, тем ценнее его духовное содержание, поскольку культурное многообразие, культурный плюрализм воспринимается личностью как проявление глубинных основ творческого потенциала и самоопределения человека во времени и пространстве, можно было бы со всей ответственностью отнести к русской языковой культуре. Развиваясь и вбирая в себя элементы иных культур, и, таким образом, *обогащаясь*, она достигла своего наивысшего взлета уже в XIX в.

В заключение хотелось бы отметить, что отзвуки диалога культур наших народов мы не должны воспринимать как музейные артефакты, а рассматривать их как зерна, проросшие на русской почве.

ПРИМЕЧАНИЕ

- (1) Позже разбиение О. Сулейменова было использовано Д.С. Лихачевым (об этом подробно изложено в публицистическом эссе Е.Д. Федюнькина «Склока о полку Игоре» в 1997—1998 гг. в газете «Вести Дубны»).

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Ауззов М.М.* Осененный вечным выдохом вечности — словом // Вместе с Олжасом. — RDW-Baumbach, Германия, 1996.

- [2] *Бахтикиреева У.М.* Творческая билингвальная личность: русскоязычный национальный писатель и особенности его русского художественного текста (монография). — М.: Триада, 2005.
- [3] *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера земли. Третье издание, стереотипное. — Л.: Гидрометеиздат, 1990.
- [4] *Лотман Ю.М.* О семиосфере // Избранные статьи в 3-х томах. — Таллинн: Александра, 1992. — Т. 1. — С. 14—16—20.
- [5] *Мельников Г.П.* Где центр глубинной евразийской культуры? (Идеи евразийства в свете достижений системной типологии языков) // Дельфис. — М., 2001. — № 1(25). — С. 77—81.
- [6] *Сулейменов О.О.* Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. — Алма-Ата: Жазушы, 1975.
- [7] *Сулейменов О.О.* Язык письма. Взгляд в доисторию — о происхождении письменности и языка малого человечества. — Алматы—Рим, 1998.
- [8] *Сулейменов О.О.* Тюрки в доистории // АС АЛАН. — М.: Мир дому твоему, 2002. — № 3(8). — С. 249—547.

HISTORIC-AND-CULTURAL TURCISM LAYER IN THE EVERYDAY RUSSIAN LANGUAGE PERCEPTION

V.P. Sinyachkin

The Department of the Russian Language and Cross-Cultural Communication
The faculty of Humanities and Social Sciences
Peoples' Friendship University
Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198

Within historically observed period of the Russian language culture formation a great many of language borrowings from Turkish languages made up a special inner layer of the perception representing this culture and acquired conceptual meaning and helped to coin new concepts in the Russian language perception.

Key words: lexical borrowings, Turcisms, ethnos, subethnos, the intercultural dialogue, semiosis, semiosphere, semiotic cultures, convergence, interiorization.